

давал образ положительного поведения, переживший тот общественный строй, в условиях которого его пропагандировали поучения Измарагда.

«Страх божий» — надежда на награду за «добро» или ожидание наказания за «зло», неизменно сопровождающие христианина всю жизнь и регулирующие его поведение, — снижает, конечно, ценность тех этических норм, какие предписывает Измарагд всем без исключения — богатым и бедным, молодым и старым, хозяевам и слугам. Снижается этим учением о «страхе божием» и значение той критики злоупотребления властью и богатством, которая нередко звучит в его поучениях. Эта критика не зовет к протесту против социального зла: угнетаемым поучения напоминают об ожидающей их в «вечной жизни» награде за страдания и внушают необходимость терпения, смирения, покорности. Однако сами по себе, освобожденные от «страха божия», многие требования морального кодекса Измарагда рисуют высокий идеал человека, приблизиться к которому в условиях феодального общества могли, видимо, немногие. Поэтому в «словах» Измарагда так много внимания уделено нарушениям моральных заветов, так ярко описываются именно эти нарушения, «злоба» и ее проявления в поведении людей.

Но в этических размышлениях Измарагда много и такого, на что могли опереться в своей житейской практике правящие классы феодального, а затем и капиталистического общества. Используя требование безусловной покорности своей судьбе, безграничного терпения к нищете, полного повиновения всем властям — светским и духовным, безоговорочного признания авторитета богатых и знатных, поучения тем самым поддерживали тех, кто утверждал непоколебимость существующего общественного строя, кто подавлял любые формы социального протеста, даже выражаемого в религиозной форме. Постоянные напоминания о терпении давали основу для внушения запрета мыслей о несправедливости феодальных отношений между трудящимися и господствующими классами, для оправдания эксплуатации.

В свете подобных наставлений Измарагда меркли и оставались в определенных слоях общества безжизненными формулами остатки заветов раннего христианства, еще звучащие во многих его «словах». Эти заветы повторялись как хорошо затверженные правила, но они оставались для многих теорией, с которой резко расходилась реальная жизнь в условиях обострявшейся классовой борьбы. Об этом свидетельствуют, например, расхождения теоретической части Домостроя, целиком построенной на Измарагде, с его практическими наставлениями.

* * *

В теоретической части Домостроя (XVI в.), начинающейся кратким «Наказанием от отца к сыну» и предшествующей его практическим наставлениям,³⁰ излагаются вкратце все основные требования к совершенному христианину, собранные в «словах» Измарагда на тему «как жити христианину» и подробнее мотивированные в поучениях, посвященных каждому из этих требований в отдельности.

«Страх божий» и «память смертную» следует всегда иметь «в сердце своем», помнить, что за свои дела придется дать ответ «в день страшного суда» (стр. 5, 6). Совет «искреняго си возлюби всякаго человека,

³⁰ Далее текст Домостроя цитируется по изданию: А. С. Орлов. Домострой по Коншинскому списку и подобным. М., 1908.